

ПЛЕНАРНЫЕ ДАКЛАДЫ

ЛИТЕРАТУРА КАК ФЕНОМЕН ИДЕОЛОГИИ

А. Н. Андреев

*Доктор филологических наук, профессор,
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет технологий и управления
им. К. Г. Разумовского» (ПКУ), ул. Земляной вал, 73, 108802, г. Москва, Россия*

Литература не имеет прямого отношения к производству ценностного качества идей (к содержанию); литература специализируется на способах передачи смысла, на стиле, хотя при этом кажется, что именно литература является «фабрикой идей». Но литература не «фабрика идей», а «фабрика превращения идей в образы». Литература специализируется не на производстве идей, а на конвертации идей в образы, на переводе языка понимания на язык веры (язык чувств).

В таком своем качестве литература является феноменом идеологии, под которым понимается учение о вере в идеи (истинные или ложные), которые, обращаясь к каждому персонально, способны объединить общество, становясь при этом силой, предназначенной для изменения реального мира.

Художественная литература – это форма идеологии, которая является наиболее эффективным способом духовного производства человека, способом превращения индивида в личность.

Ключевые слова: литература; идеология; язык; картина мира; матрица; культурный код; культура; образование.

ЛІТАРАТУРА ЯК ФЕНОМЕН ІДЕОЛОГІЇ

А. М. Андрєєв

*Доктар філологічних наук, професор,
Федеральна державна бюджетна наукова установа вищоїшай адукації
«Москоўскі державны ўніверсітэт тэхналогій і кіравання імя К. Р. Разумоўскага» (ПКУ),
вул. Земляны вал, 73, 108802, г. Масква, Расія*

Літаратура не мае прамога дачынення да вытворчасці каштоўнаснай якасці ідэй (да зместу); літаратура спецыялізуецца на спосабах перадачы сэнсу, на стылі, хоць пры гэтым здаецца, што менавіта літаратура з'яўляецца «фабрыкай ідэй». Але літаратура не «фабрыка ідэй», а «фабрыка ператварэння ідэй у вобразы». Літаратура спецыялізуецца не на вытворчасці ідэй, а на канвертацыі ідэй у вобразы, на перакладзе мовы разумення на мову веры (мова пачуццяў).

У такой сваёй якасці літаратура з'яўляецца феноменам ідэалогіі, пад якім разумеецца вучэнне пра веру ў ідэі (праўдзівыя або ілжывыя), якія, звяртаючыся да кожнага персанальна, здольныя аб'яднаць грамадства, становячыся пры гэтым сілай, прызначанай для змены рэальнага свету.

Мастацкая літаратура – гэта форма ідэалогіі, якая з'яўляецца найбольш эфектыўным спосабам духоўнай вытворчасці чалавека, спосабам ператварэння індывіда ў асобу.

Ключавыя словы: літаратура; ідэалогія; мова; карціна свету; матрыца; культурны код; культура; адукацыя.

LITERATURE AS A PHENOMENON OF IDEOLOGY

A. N. Andreev

Hab. PhD, Professor,

Federal State Budgetary Scientific Institution of Higher Education

*«Moscow State University of Technology and Management named after K. G. Razumovsky» (PKU),
Zemlyanoy Val St., 73, 108802, Moscow, Russia*

Literature has nothing to do with the production of the value quality of ideas (content); literature specializes in ways of conveying meaning, in style, although it seems that literature is the «factory of ideas». But literature is not a «factory of ideas», but a «factory of turning ideas into images». Literature does not specialize in the production of ideas, but in the conversion of ideas into images, in the translation of the language of understanding into the language of faith (the language of feelings). In this capacity, literature is a phenomenon of ideology, which means the doctrine of faith in ideas (true or false), which, addressing everyone personally, are able to unite society, while becoming a force designed to change the real world. Fiction is a form of ideology, which is the most effective way of spiritual production of a person, a way of turning an individual into a personality.

Keywords: literature; ideology; language; worldview; matrix; cultural code; culture; education.

Введение, постановка проблемы

Я всю жизнь занимался литературой, чтобы понять, что никакой литературы, отлученной от идеологии, не существует. Если ты говоришь о литературе, то рано или поздно ты придешь к идеологии; а если не придешь, то ты говорил не о литературе.

Это может показаться шуткой. Так или иначе ее смысл направлен вовсе не в шуточную сторону. Хочешь понять литературу – разберись с идеологией и культурой.

Предмет литературы складывается из двух составляющих: идей (смысла) и стиля (способа выражения смыслов, «красоты»). В классической традиции, восходящей еще к Аристотелю [1], – из содержания и формы.

Очевидно, что из двух составляющих чем-то специфически литературным – тем, что, кроме как в литературе, более нигде не присутствует, – является словесно-художественный стиль, способ подачи и организации ценностно-смыслового дискурса.

Что касается содержания как такового (семантики, так или иначе связанной с природой человека, и философской антропологией, с ценностным ядром культуры), то литература не контролирует эту сферу жизни человека. Литература не производит ценности и смыслы и не управляет ими; ровно наоборот: ценности (содержание) управляют литературой (стилем). Если литература исчезнет, смысловые ценности не исчезнут вместе с ней; если исчезнут ценности, то почти вся литература, имеющая значение для мировой культуры, исчезнет вместе с ними. Утверждать, что литература является «служанкой идеологии», – значит принизить культурный статус и потенциал литературы; отрицать «прислуживание», то есть зависимость, – глупо. «Служанка идеологии» – это идеологическая маркировка идеологии.

Литература не имеет прямого отношения к производству ценностного качества идей (к содержанию); литература является не «фабрикой идей», а «фабрикой превращения идей в образы»; литература специализируется на способах передачи смысла, хотя при этом кажется, что именно литература является «фабрикой идей».

ПЕРВЫЙ ТЕЗИС. Литература – феномен идеологии, имеющий отношение не к производству идей, а к технологии их передачи. Литература – это, если продолжать пользоваться метафорой, не фабрика идей, а фабрика превращения идей в образы. Литература специализируется не на производстве идей, а на переводе идей в образы, на переводе языка понимания на язык веры (язык чувств).

Уже одно это обстоятельство заставляет задуматься над тем, что же такое литература и каковы ее функции в культуре.

Что такое идеология?

Идеологию мы трактуем как *тип управления информацией, который позволяет превращать идеи в материальную силу*. Идеология – это учение о вере в идеи (истинные или ложные), которые, обращаясь к каждому персонально, способны объединить общество, становясь при этом силой, предназначенной для изменения реального мира [2].

Термин «идеология» в научный оборот ввёл французский философ Антуан Де-стют де Траси в конце XVIII века. С тех пор количество трактовок этого термина стало запредельным, а качество не поддается внятной систематизации.

Понятие «идеология» образовано от двух греческих слов (греч. *ἰδεολογία*; от *ἰδέα* «прообраз, идея» + *λόγος* «логос, слово, разум, учение»). Следовательно, этимологически идеология является учением об идеях, о системах идей. Однако, с нашей точки зрения, такое определение в корне искажает сущность идеологии и ее предмет в сегодняшнем их понимании.

Мы будем придерживаться иной трактовки термина идеология. Идеология в нашем понимании – это не учение об идеях или о системах идей, несущих мировоззренческую нагрузку; это отчасти верно, но в целом дает искаженное представление о предмете. Идеология – это нарратив, с одной стороны, про связь личного и общественного, а с другой стороны – про связь двух языков культуры: веры и идей (познания).

Идеология – это научный контент, изложенный ненаучным (образным) языком. Если говорить о структуре, то идеологию как целостный, многоплановый и сложно устроенный антропологический нарратив можно с известной долей условности представить как взаимодействие трех уровней:

- Картина мира,
- Матрица,
- Технология.

Под «Картиной мира» мы подразумеваем систему ценностей человека, сознательно сформированные мировоззренческие установки, которые служат основой для формирования мотиваций и моделей поведения.

«Матрица» – система ценностей, данная в образной, чувственно воспринимаемой форме (в мироощущении).

«Технология» – инструмент перевода с языка «Картины мира» (мировоззрения) на язык «Матрицы» (мироощущения).

Вводим эти понятия как термины, поэтому пишем с большой буквы – с целью отделить термины от метафоры.

Идеология – это нарратив про создание «Картины мира» (идеи, понимание, доказательство), переходящий в нарратив про веру в Картину мира («Матрицу») и информационную Технологию перевода понимания в веру. Картина мира доказывает, Матрица – убеждает.

Таким образом, *литература в контексте идеологии и культуры, – это Технология*. Но это особого рода Технология. Литература в плане информационном гораздо ближе к идеям, к Картине мира, по сравнению с иными видами искусств. Поэтому идеологический потенциал литературы неизмеримо выше.

Идеи, мысли и образы как языки культуры

Поскольку литература является «самым умным» (смыслонасыщенным, семантикочувствительным) из искусств, имеет смысл разобраться с этим самым «умом литературы». С помощью слова в литературе создаются образы, то есть передаются и воспринимаются чувства; но слово, основной рабочий литературный инструмент, одновременно является инструментом мышления, которому образы противопоказаны (мышление осуществляется с помощью понятий). Иначе говоря, художественное слово, с одной стороны, заточено на образность, а с другой – блокирует эмоциональность своим «понятийным» потенциалом. Слово в литературе амбивалентно: оно умудряется создавать образы, задействовав при этом потенциал понятий.

Как это происходит?

Между *идеями* и *образами* существует некое связующее звено, – информационная единица, которую точнее всего обозначить термином *мысль* [3]. Чем отличаются мысли-смыслы от идей?

Идеи – это структурированные (систематизированные) смыслы в контексте четко обозначенного принципа познания мира (Картины мира). Идеи – это собранный

из мыслей иерархически организованный паззл (объект познания), где каждая отдельно взятая мысль занимает свое, строго отведенное ей место.

Мысли, в отличие от идей, – это не привязанные к принципу познания смыслы, которые, словно кошка, гуляют сами по себе и никак не хотят складываться в паззл, в систему, в Картину мира. Мысли можно применить к любому принципу познания, потому что они живут вне контекста.

За идеи, за которыми стоит претензия на объективное отражение мира, то есть наука, приходится нести культурную ответственность; за взлет мысли, за томления и прозрения «духа», за субъективный взгляд на вещи никто не несет культурной ответственности (мыслить – значит, «не ведать, что творишь»).

Идеи ценятся за объективность, вольные мысли – за оригинальность.

За оригинальные мысли и смыслы легко спрятаться (мыслители, малые сии, не ведают, что творят); идеи же разоблачают мыслителя донага, до фигового листочка.

Мысли – рабочий инструмент интеллекта; идеи – рабочий инструмент ума.

От произвольно собранных в кучу смыслов веет «свободой мысли»; от выстроенных идей за версту «несет законом», то есть ограничением свободы. Поэтому мысли и мыслителей люди любят, ибо «малые сии» дарят иллюзии (они «добрые»); идеи и тех, кто их вынашивает, ненавидят, ибо они безжалостно отбирают иллюзии (они «злые»).

Получается, что едва ли не само вещество гуманизма связано именно с мыслями, а идеи – смерть культуре. Это миф, созданный «мыслителями» в отместку за то, что они не умеют думать.

Главным здесь для нас является следующее. Мысли гораздо ближе к образам как языку информации, нежели идеи. Собственно, мысли есть не что иное, как «разбавленные» образами идеи. Мысли – это аморфные идеи, «идеи в тумане», неотформатированные (отлученные от концепта) идеи. Мысли оказывают более сильное воздействие на чувства по сравнению с идеями. В «туманные» мысли легче поверить, нежели в идеи: в них каждый увидит то, что захочет.

Одно дело – приглашение к размышлению (обо всем и ни о чем), приглашение присоединиться к процессу, и совсем другое – извлечение смыслов до такой степени ясности, которая превращает смыслы в идеи, а идеи – в руководство к действию, к принятию решений.

Литература в лучшем случае приглашает к размышлению, в худшем – призывает вообще не думать.

Мастеров «идейного отражения» мира (постижения мира через идеи) у человечества было немало, все они так или иначе были философами, которых для пущей важности иногда именуют мыслителями. Понятие мыслитель, увы, имеет культурный статус едва ли не выше, чем просто философ.

Это, конечно, самый забавный, запутанный и печальный культурный миф. Мыслитель (в узких рамках нарратива нашей работы) – тот, кто умеет мыслить, кто производит смыслы; философ – тот, кто с помощью мышления умеет производить идеи, управлять смыслами. Мыслитель – интеллектуально развит, философ – умен. Границы подвижны.

А есть еще те, кто с помощью идей меняет реальность. Афоризм «нет ничего практичнее хорошей теории» как раз о «сцепке» идей, продукции ума, с практикой. Хорошая теория доводит мысли «до ума», до степени идей, а идеи являются уже инструментом, с помощью которого можно изменять реальность – если их перевести на язык веры, конечно, сделать инструментом идеологии.

Идеология, качественная идеология, всегда опирается на идеи, а не на мысли. На ум, а не на интеллект.

Качественная, универсальная идеология видит только одну цель: превращение индивида в личность. Личность – это человек, ориентированный в своей жизнедеятельности на высшие культурные ценности, такие, как истина, добро, красота, справедливость, свобода, любовь, семья, патриотизм. Для этого личности необходим ум.

Когда литература думает, что она думает, «мыслит», она чаще всего совершает ошибку. Но ошибка в плане философском почти всегда оборачивается идеологической убедительностью. «Мыслители» с честью выходят из идейных тупиков, «посрамляя» научный способ познания мира.

Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой были великими мыслителями, именно поэтому они писали романы, а не трактаты. Их учения невозможно взять и прямо вот так «безыдейно» претворить в жизнь: хорошие мысли, примененные в качестве инструмента к плохой реальности, – гарантия социальной катастрофы. Представим себе, что было бы, если бы толстовство стало идеей, овладевшей массами. Представим себе, что было бы, если бы «достоевщина» стала идеей, определяющей наше отношение к миру.

Было бы ровно то же самое, что и с учением Маркса и Ленина. Социалистические и коммунистические мысли тоже были чудо как хороши, это были идеальные идеалы, но они не дозрели до степени идей, поэтому практика отвергла эти «вредные мысли» и слышать ничего не хочет про идеи, которые могут вырасти из таких мыслей. Обошлись на молоке, а дуют на воду. Мыслящий писатель В. Т. Шаламов считал: «Русские писатели-гуманисты второй половины XIX века (и прежде всего Л. Толстой. – А. А.) несут на душе великий грех человеческой крови, пролитой под их знаменем в XX веке» [4].

И страх перед «молоком», перед «вредными» мыслями – это надолго, к сожалению.

Кстати, мыслителей, в том числе великих, в великой русской культуре было много, а философов – мало. Вот и стали называть мыслителей философами: из-за дефицита последних. Так, В. В. Розанов, собиратель «опавших мыслей» «в ворохи-короба», попал в философы. Мыслитель – всегда большой путаник, великий мыслитель – великий путаник; философ – перспектива и спасение для мыслителя.

Между прочим, те, кто упорно записывают Розанова в философы, оказывают русской философской мысли плохую услугу: они дезориентируют общественное сознание, понижают (хотя кажется, что повышают) уровень философской культуры, уводят ее в «бесконечные тупики». «Бесконечный тупик» – так называется роман Д. Е. Галковского, посвященный как раз текстам Розанова и представляющий собой

безмерно разросшийся «гипертекст»: это хорошая модель мышления как бесконечного процесса, бессмысленного и безрезультатного, не несущего никакой ответственности за свою криптофилософию: за гипермасштабы и мизеридеи. «Бесконечный тупик» – это, возможно, хорошая школа эквилибристики мысли, но определенно плохая философия.

Нечего сказать – говори гипертекстово.

Бесконечный тупик и гипертекст: кому выгодно?

Тем, кто не умеет производить идеи или по каким-то причинам не хочет этого делать. Гипертекст – это идеальный гроб для гуманитарной науки, который – вот чудо! – может стать живительной находкой для литературы.

ВТОРОЙ ТЕЗИС. Ценности – идеи – мысли – образ – стиль: таков идеологический дискурс литературы. В феномен литературы как таковой ее превращает стиль.

Литература – инструмент идеологии

Как функционирует литература в качестве инструмента идеологии?

Чтобы разобраться в этом непростом вопросе, разберем «идеологическое» стихотворение Ю. Друниной «Комбат» (1943 г.) [5].

Когда, забыв присягу, повернули
В бою два автоматчика назад,
Догнали их две маленькие пули –
Всегда стрелял без промаха комбат.
Упали парни, ткнувшись в землю грудью,
А он, шатаясь, побежал вперед.
За этих двух его лишь тот осудит,
Кто никогда не шел на пулемет.
Потом в землянке полкового штаба,
Бумаги молча взяв у старшины,
Писал комбат двум бедным русским бабам,
Что... смертью храбрых пали их сыны.
И сотни раз письмо читала людям
В глухой деревне плачущая мать.
За эту ложь комбата кто осудит?
Никто его не смеет осуждать!

Мысль (продукт интеллекта) поэтессы ясна: на войне как на войне, всякое бывает; на войне хорошо то, что работает на нашу победу. Сам человек – средство для достижения победы. Комбат сделал то, что однозначно работает на победу. Следовательно, «никто его не смеет осуждать». Вины комбата нет. Таков поэтический приговор.

За мыслью сквозит идея (продукт разума), которая для автора не актуальна, но которая заставляет посмотреть на мысль в контексте высших культурных ценностей (то есть с точки зрения разума). Приведем популярную аранжировку категорического императива Канта: «Человек всегда должен быть целью и никогда – средством». Это высший принцип нравственности. Кант, а не комбат, выступает подлинным субъектом культуры.

По Друниной получается иначе: если ты *задался целью победить фашизм*, то человек неизбежно превратится в средство. Не по вине комбата, а по логике вещей, по логике жизни. Хочешь победить врага? Надо скорректировать цель, сердцевину культуры. Вечную и, чего греха таить, несколько абстрактную цель-императив «Человек» придется заменить (временно, временно!) на сиюминутную и конкретную «Победа». При этом цель как таковая, на первый взгляд, никуда не исчезла, и она не противоречит императиву. Победим врага – вернемся к человеку.

Дьявол сокрыт в деталях, или, иначе, все на свете состоит из роковых нюансов: только комбатовская цель – победа над фашизмом! – развязывает руки тем, кто хочет добиться цели «по Канту». В таком случае комбат, готовый отдать жизнь за свои убеждения, становится субъектом культуры. Хотите мира по Канту – зовите на помощь комбата.

Но тут также сокрыт роковой нюанс. Комбатовская цель достигается *любыми средствами*, что означает: средства в принципе могут подменить цель. По Канту – не могут; по комбату – могут и должны.

Комбатовская цель (Победа над фашизмом) – это средство для кантовской цели (Человек); кантовская цель для комбата – пустая фикция, фантом, происки слюнтяев и врагов, проявление слабости. Никто не смеет осуждать комбата, даже Кант. А вот комбат Канта – смеет.

Ставим вопрос ребром. Кто является подлинным субъектом культуры? Кто прав: Друнина-комбат или Кант? В силе Бог или в правде? (Вопрос правоты и веры в нее – это уже чисто идеологический вопрос.)

Если прав Кант, то и у комбата появляется шанс. Если прав комбат, то «Победа» над фашизмом станет способом уничтожения «Человека». Если Кант прав, то комбат, хоть без вины, но «все же, все же, все же» виноват (чего нет в стихотворении Ю. Друниной). Тот, кто воюет за истину (Человека), а не только за Победу над фашизмом (в этом лишь толика истины), должен чувствовать свою вину за то, что пусть невольно, согласно бесчеловечной логике вещей, но все же предал императив Канта – суть гуманизма. Суть гуманизма не в Победе над фашизмом, а в том, что Человек – цель. Если в комбатовской цели не присутствует цель Канта, то комбат превращается в носителя зла; если присутствует, то в носителя добра. Таков культурный приговор комбату.

Кант, высший субъект культуры, прав как культурфилософ; Друнина права как поэт и бескомпромиссный антифашист. Кант прав с позиций разума, Друнина – эмоционально и интеллектуально. Перед читателем возникает проблема выбора. «Кант VS победоносный комбат».

ТРЕТИЙ ТЕЗИС. Подлинный субъект культуры всегда ориентируется на категорический императив Канта как высшую культурную ценность; следовательно, любого комбата следует изображать и оценивать с позиций Канта.

Писатель почти всегда занимает позицию условного комбата, превращая литературу в служанку политики, патриотизма, красоты, религии, семьи, чего там еще. Литературоведение и критика должны оценивать писателя с позиций Канта.

Здесь мы остановимся и спросим себя: что мы сейчас обсуждали? Где в нашем обсуждении литература?

Когда читатель воспринимает стихотворение, то обсуждение его содержания, как правило, сосредотачивается в семантическом зазоре между идеей и мыслью (общим и частным, целью и средством). Обсуждать качество этической идеи – значит, обсуждать не стихотворение Друниной, а ценности культуры. В подобном обсуждении подлинный предмет литературы (стиль) отсутствует, потому что как бы растворяется в содержании. Это с одной стороны. С другой стороны, стиль работает на продвигаемый автором смысл, следовательно, обсуждать стиль вне смыслового контекста – некорректно. Принять стиль Друниной можно только вместе со смыслом.

Обсуждать можно и нужно веру поэтессы в свои мысли (или идеи). Ее *пафос* (идеи (мысли) + вера в них), как говорили когда-то теоретики советской школы [6]. А также стиль, который и реализует то, что мы назвали пафосом.

А это уже чистой воды идеология (за вычетом стиля). Друнина выступает как политрук. Тот, кто принимает ее мысли, также разделяет убеждения политрука; тот, кто не принимает, выступает с иных идеологических позиций. Если вы (с помощью Канта) обнаруживаете более высокий культурный смысл, стихотворение резко утрачивает художественную ценность.

Так или иначе обсуждается не стиль; обсуждается идеология с определенных идеологических позиций. Спорить можно бесконечно. Но где здесь литература?

Необходимо зафиксировать тот момент, который неизбежно делает литературу идеологией. Поэтесса не отвечает, не несет ответственности за качество Картины мира; я художник – я так вижу, как говорится. С поэта взятки гладки: какой с него спрос? Не читают поэты Канта, но почему-то считают себя вправе вступать с ним в спор. Малые сии не ведают, что творят. В реальности смыслы не бывают бесхозными, они всегда приведены в определенный идеологический порядок.

Друнина заражает своей верой в идеи-мысли (истинные или ложные). Вера в идеи (или праидеи – мысли), которые, обращаясь к каждому персонально, способны сплотить общество, становясь при этом реальной силой, делает литературу идеологией.

Литература становится проводником идеологии. Качество идеологии – это уже философско-культурологический, а не литературоведческий вопрос. Стихотворение «Комбат» впечатляет как образец советской идеологии «человек ничто, родина все», «сначала думай о родине, потом о себе», «кто не с нами, тот против нас». Но если соотнести идеологию с культурной ценностью (человек есть цель, но не средство), то ложный смысл делает и пафос ложным. Здесь уже никакой стиль не спасет.

В таких случаях говорят: стихотворение осталось в своем времени. Наступило иное время, пришла более универсальная идеология – прежняя стала неактуальной.

Существует иная идеологическая возможность. Некоторым особо чутким к поэтическому слову творцам удается «отделить» форму (стиль) от содержания, наделить форму функциями содержания (сделать стиль важнее смысла). В качестве примера укажем на стихотворение Б. Пастернака «Сумерки... Оруженосцы роз», 1913. Но бес-содержательное «чистое искусство» (корифеи которого В. Набоков, С. Соколов) не является исключением из правила «литература есть форма идеологии». Если стиль важнее содержания, следовательно, средство важнее цели. Человек уже не цель, а материал для Его Величества Искусства (стиля). *Vita brevis est, ars longa*. В результате мы имеем «Кант VS «эстетический» комбат». «Чистое искусство» – это также идеология, также весьма неоднозначная, дискуссионная и агрессивная.

А бывает ли так, что идеологическая картина мира, которой придерживается художник, не противоречит научным (условно –кантианским) представлениям о ней? Бывает ли так, что картина мира определенного художника ближе к истине, чем остальные? Бывает ли так, что художник и доказывает, и убеждает одновременно, делая это на пределе человеческих возможностей? Бывает ли так, что идеология, а вместе с ней и произведение, переживают свое время?

Конечно, бывает. Когда мы говорим о классике, мы имеем в виду именно это. В случае совпадения позиций *ценности – идеи – мысли – образ – стиль* мы получаем шедевр, подлинную гармонию смысла и стиля. Таких шедевров в литературе мало. Они возникают тогда, когда поэту удастся за счет личного ресурса усвоить сложнейшую гуманистическую картину мира и поделиться своей верой в нее с читателем. Универсальность идеологической картины мира становится художественным качеством произведения. Никто не называет А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого или А. Чехова идеологами, а зря. Их творения в высшей степени идеологичны; но их идеологическая направленность незаметна именно потому, что универсальна: они включают в себя и библейский, и кантовский, и друнинский дискурсы. Все это мы видим, например, в стихотворении А. С. Пушкина «Я вас любил».

Ведь что такое «лишние люди», величайший феномен, открытый русской литературой, с точки зрения информационной технологии? Это личности, которые относились к себе, то есть к ресурсу человека в принципе, в кантианском ключе – как к цели; по этой причине для всех остальных, рассматривающих человека как средство, они были лишними, слишком умными. Тот, кто относится к себе и другим как к цели, обречен испытывать комплекс «горе от ума». Тип или модель «лишних людей» – колоссальный идеологический ресурс, дарованный нам великой литературой.

Наши классики дали потрясающие образцы умной литературы, которая пробуждает умные (противоречивые) чувства. Не игра интеллекта, а поиски Картины мира, которая стала культурным кодом русской цивилизации, – вот чем ценно творчество великих классиков.

Именно такая литература является элитарной. Именно такая литература необходима для изучения в школе и университете. Именно такая литература развивает мышление, и у учащегося, под чутким руководством учителя, появляется шанс обнаружить в себе личность.

Предлагаемые нами концептуальные определения и характеристики корректны в контексте определенной философской антропологии, в контексте идеологии, которую мы называем *персоноцентризм* [7].

В заключение предложим свое – персоноцентрическое – определение литературы. *Художественная литература* – это форма идеологии, которая представляет собой информационную технологию превращения идей в мыслеобразы (смысла – в чувство) с помощью стиля; в таком своем качестве литература является наиболее эффективным способом духовного производства человека, способом превращения индивида в личность, способом утверждения категорического нравственного императива.

Библиографические ссылки

1. *Аристотель*. Поэтика // Соч.: В 4 т. / АН СССР. Ин-т философии. М., 1983. Т. 4. С. 645–680.

2. Идеология как феномен культуры и цивилизационный ресурс России: Монография. М.: «Снежный ком», 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://mgutm.ru/2023/12/11/professor-kafedry-fsgt-vypustil-monografiyu-ob-ideologii/> (дата обращения: 1-31.10.2024).

3. *Андреев Анатолий*. Зачем нужны умные люди? Антропология счастья в эпоху перемен. Москва: Издательство АСТ, 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/anatoliy-andreev/zachem-nuzhny-umnye-ludi-antropologiya-schastya-v-epohu-p/chitat-onlayn/> (дата обращения: 12.10.2024).

4. *Шаламов В.Т.* Собрание сочинений: в 4-х т. М., 1998. Т. 4. С. 375.

5. *Друнина Ю. В.* Стихи о войне. М., ЭКСМО, 2010.

6. *Тимофеев Л. И.* Основы теории литературы. М.: Просвещение, 1976.

7. *Андреев А. Н.* Персоноцентризм в классической русской литературе XIX в.: монография. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2021.